

- Меня ничто не удивит, - пробормотала она. - Меня ничто не удивит.

Распевая эти слова, чтобы успокоить свой разум, она взмахнула мечом и разрубила одного из монстров пополам ударом по голове, который был настолько мощным, насколько мог.

Частично эта сила была вызвана разочарованием. Разочарование из-за того, что у неё не было такого контроля над своим разумом, как она думала. На самом деле, если вампирша подумала об этом с ясной головой или с головой, столь же поглощенной эмоциями, как сейчас, то поняла, что, возможно, никогда по-настоящему не контролировала свой собственный разум.

Самый очевидный пример был с Викторией, её матерью, с которой у девушки к настоящему времени сложились приличные отношения, хотя прошел всего месяц с тех пор, как Кармен насильно превратили в вампира.

Она должна ненавидеть Викторию. И это делала... ещё до того, как обратили. Когда девушка думала о том, что чувствовала в этой темнице, Кармен всё ещё могла отчетливо вспомнить ненависть и гнев, которые она испытывала к Виктории за то, что та заключила в тюрьму и якобы убила её братьев и сестер по оружию.

Однако сейчас она не могла больше заставить себя ненавидеть Викторию. Как будто вся неприязнь к приемной матери просто... испарилась. Это было не из-за её нежити-ограниченности эмоций, поскольку, если бы попыталась, Кармен всё ещё могла вызвать какую-то форму ненависти или негодования, но это просто казалось фальшивым и неудовлетворительным. Как будто ненависть, которую она тогда испытывала к Виктории, была ложной.

Её контролировала мать?

Или просто потому, что она вампир? Кармен вспомнила, что мать сказала во время «Песни жука»: «В отличие от людей, мы, вампиры, редко воюем друг с другом».

Тогда Виктория приписывала их волосы, но даже тогда Кармен сомневалась в её словах. Гораздо более вероятно, что их раса и кровь сами по себе контролировали разум, ослабляя враждебность каждого вампира друг к другу.

Невозможно, чтобы кто-то такой умный и хитрый, как Виктория, не осознавал этого, так неужели эти слова были намеком на то, чтобы она сама в этом разобралась? Чтобы понять, что её разум на самом деле не был обственным.

Кармен не могла поверить, что ей потребовалось столько времени, чтобы это понять, и для этого ей потребовалась помощь другого эффекта, изменяющего сознание.

Разочарование усиливалось вызывающей страх аурой внутри неё, и прежде чем Кармен

осознала это, она, не сказав ни слова, разрубила тело монстра на мелкие куски. К её клинку прилипла желеобразная кровь.

Когда Кармен, наконец, удалось насильственно подавить нарастающее разочарование с помощью запретов нежити, она вздохнула. Подняв глаза, девушка увидела, что Кагрисс наблюдает за ней со сложным выражением лица, и Кармен поняла, что ещё раз показала ту сторону себя, которую маг не хотела видеть.

Кагрисс разочарована в ней?

Это немного напрягает... хотя её не заботило, как видят другие, но теперь она не хотела делать ничего, что могло бы вызвать неприязнь у Кагрисс.

Куски монстра рассыпались по полу от силы, сопровождавшей удары двуручным мечом. Тут был такой беспорядок.

В том состоянии, в котором она находилась сейчас, вид беспорядка, который не могла убрать, легко раздражал её.

- Эм, Кагрисс?.. Можешь ли ты мне помочь?

- Что случилось, госпожа? - Кагрисс всё ещё удерживала последнего монстра, защищенный двойным наложением заклинания черной цепи. Поскольку монстр медленно проедал одно заклинание, всё, что ей нужно было сделать, это наложить на него ещё один слой и повторно нанести разрушенный слой, когда он освободится.

- Тебе больше не нужно держать эту штуку запечатанной. Ты можешь его уничтожить? А потом, когда закончишь, брось останки в эту яму. - Кармен указала на яму, которую она выкопала ранее, когда шла к первому монстру.

Он был намного слабее, чем раньше, потратив так много маны, пытаясь восстановить и собрать себя воедино. Даже сейчас мощная мана нежити в кусках плоти заставляла её ползти навстречу друг другу.

- Дыра? Но разве не здесь формирование маны? - спросила Кагрисс. - Вы уверены, госпожа? Разве это не сделает их сильнее?

Кармен кивнула.

- Да, пожалуйста. И... - она покраснела и указала на забрызганные останки второго монстра, - не могла бы ты убрать беспорядок, который я там устроила...

Когда Кагрисс кивнула, Кармен начала перемещать маленькие кусочки плоти первого монстра в отверстие, сметая их вместе с мечом.

Тем временем Кагрисс повторно применил ещё один слепок с черной цепью. Однако вместо того, чтобы оторвать концы черных цепей от её рук, на этот раз маг крепко схватила их, и магия нежити поднялась и собралась в руках, когда она снова создала заклинание, которого Кармен никогда раньше не видела.

Когда мана собралась до предела, она мгновенно потекла по двум связкам цепей в виде ударных волн, которые заставили цепи дрожать. Когда ударная волна обрушилась на чудовище, оно, казалось, почти взорвалось.

С грохотом цепи сжимались вместе с ним, становясь всё меньше и меньше. Ловко управляя своей маной, Кагрисс переместила цепной шар над ямой в центре зала и сняла заклинание. Его контейнер внезапно исчез, неузнаваемые раздавленные останки монстра упали с брызгами.

Такого рода разрушительная сила не прошла бесследно. Мана Кагрисс упала до уровня значительно ниже порога, который Кармен считала безопасным, но маг похоже, не возражала.

Используя ту небольшую часть маны, которую она оставила, девушка ещё раз наколдовала этот осязаемый ветер и смела разрозненные останки монстра номер два в яму, чтобы присоединиться к его собратьям.

Кагрисс выглядела намного бледнее обычного, и она отступила, словно её поразила внезапная волна истощения. Кармен подбежала к ней и осторожно помогла ей сесть на землю.

Девушка обеспокоенно закусила губы. Об истощении маны было не о чем шутить, но Кагрисс была готова опустошить себя ради неё. Она не сделала ничего, чтобы заслужить эту преданность. Кармен чувствовала, что пользуется ею.

- Кагрисс...

- Госпожа, - сказала Кагрисс, прервав Кармен, прежде чем она смогла продолжить, и потянулся.

- Госпожа, я старалась... я устала...

Она улыбнулась Кармен, и слова, которые были у девушки на кончике языка, исчезли.

- Да, хорошая работа, Кагрисс, - сказала она, крепко обнимая мага.

- Об остальном я позабочусь.

Но Кагрисс не ответила. Её глаза были закрыты, казалось, она спала.

- Кагрисс? - Кармен потрясла девушку, но маг даже не двинулась с места. Её охватила паника.

Однако прежде чем эта паника действительно началась, Кармен внезапно вспомнила кое-что о нежити и успокоилась. В конце концов, о состоянии Кагрисс не стоит беспокоиться. Маг просто израсходовала слишком много маны, достаточно, чтобы она впала в спячку. По сути, она превратилась в обычный труп, и пока она не поглотит достаточно маны для возобновления нормальной деятельности, то не сможет двигаться.

Кармен встала, усадив Кагрисс у стены как можно дальше от ямы. Она подошла к краю ямы. Благодаря тому, что они находились ближе к аккумулятору, маленькие кусочки плоти восстанавливались быстрее, слипаясь во всё более крупные формы. Их близкое соседство помогло делу, поскольку для каждого отдельного куска было меньше расстояния, которое нужно было преодолеть, прежде чем присоединиться к основной части.

К счастью, из-за того, что эту увеличенную ману приходилось делить между тремя нежитью, восстановление нежити в целом не ускорило так быстро.

Когда Кармен почувствовала количество маны, которым всё ещё обладает эта нежить, её инстинктом было чувство отчаяния, поскольку у неё не оставалось достаточно маны, чтобы убить этих монстров, чтобы они оставались мертвыми.

Тем не менее, ей не пришлось беспокоиться, так как у неё был последний трюк в рукаве. Этот трюк был столь же опасен для неё, как и для цели, особенно если она всё испортила, но Кармен думала, что он может сработать даже против таких мерзостей, как эти куски плоти.

Она закрыла глаза, чувствуя внутри себя ману. Холодную, но успокаивающую. Это принесло ей неживую и жизнеспособность, сохранило жизнь и стало её оружием. Кармен стала лучше осознавать тенденции и движения маны. Связь с маной усилилась, когда она вошла в элементарную форму медитации.

Это был необходимый шаг. Кармен теперь знала, насколько безрассудно была в прошлом, и больше не сделает того же.

Нежить крови. Кровь святой.

Святой был теплым и очищающим. В каком-то смысле он был живительным и чем-то, к чему она, как нежить, не должна иметь доступа. Однако девушка это сделала, как и эти мерзости там, в яме.

Когда жизнь и нежизнь сошлись воедино, произошли две вещи. Либо они уничтожили друг друга из-за своей противоположности, либо стали чем-то невыразимым. Горячий и холодный одновременно, одновременно давая истинную жизнь и являясь энергией нежити.

Как могло существовать что-то настолько хаотичное?

В своем уме Кармен пыталась уловить суть этого унисона и усвоить его, пытаясь понять, чтобы, когда придет время, она не потеряла контроль и не навлекла на себя беду или не покончила с собой.

Медленно она открыла глаза, пытаясь сохранить текущее состояние. Девушка была настолько поглощена этим состоянием концентрации, что ей удавалось игнорировать почти всё остальное, и она больше не могла даже чувствовать гнетущую ауру, исходящую от монстров-нежити.

Высоко стоя на краю ямы, она направила свой меч на монстров. На острие меча черная и золотая сферы одновременно росли рядом друг с другом.

Это была чистая мана, не привязанная ни к каким заклинаниям.

Сфера становилась всё больше и больше, пока не стала размером с кулак Кармен.

Нежить под ней продолжала попытки регенерировать, не обращая внимания на то, что происходило над ними, а также на их надвигающуюся гибель. Они даже пытались протянуть руку, подойти поближе и забрать себе эту чистую ману.

Как только сферы стали достаточно большими, они рассыпались на маленькие частички черного и золотого цвета. Один цвет, казалось, высасывал свет из воздуха, в то время как другой светился, как крошечные светлячки. Они сошлись в один большой шар, собрались так близко, насколько это удавалось Кармен, но разделенные крошечным пространством.

Сердце Кармен перестало биться. Её дыхание остановилось. Все притязания на жизнь исчезли, когда она посвятила своё существо использованию этой маны. Сложный контроль над маной так далеко от неё сказывался.

Обхватив меч и другой рукой, она глубоко вздохнула и выполнила последний шаг. Всё черное стало золотым, и всё золотое стало черным. Но ни один цвет не завершил свою трансформацию. Была темная вспышка, поглотившая все цвета, и золотая вспышка, которая сияла, как полуденное солнце.